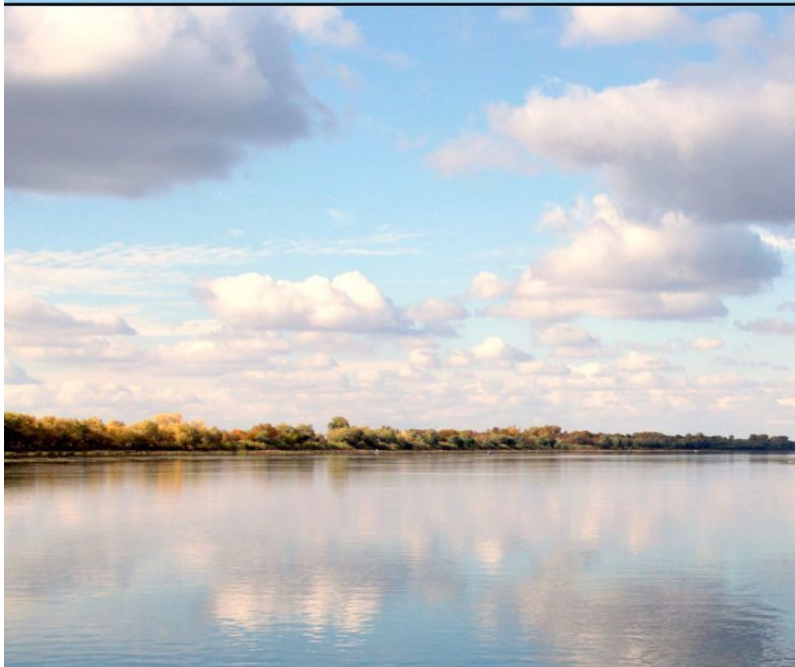

18 Владимир Александрович
Латышев

Утро

Владимир Александрович Латышев

Утро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937691

ISBN 9785005321336

Аннотация

Фантастический сюжет повести «Утро» и описанные в ней удивительные события позволяют автору раскрыть своё отношение к реальным проблемам современной жизни нашей маленькой планеты.

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Утро

Владимир Александрович Латышев

*Настоящее утро наступит когда освободившись
от тлена и грязи, сбросив тёмные лохмотья
стяжания и похоти и, увидев свой человеческий лик
в зеркале океанов, мир расцветёт сияющей улыбкой
разума и любви.*

Алма Туритан

© Владимир Александрович Латышев, 2021

ISBN 978-5-0053-2133-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Самым необычным в это хмурое январское утро был даже не угрюмый, холодный дождь, ливший с ночи и лишь по-немногу теперь затихавший, и не то, что проспал я почти до девяти, а то, что выйдя на кухню, сразу включил телевизор. Впрочем, на экран я и не глянул, поскольку давно утратил интерес к тому, как делатели денег удобряют себе социальную почву. Однако, смолов кофе и высыпав его в турку, я оглянулся, услышав, как чей-то неокрепший голос уверенно сообщил, что мировая экономика достигла... и что осталось осуществить цифровизацию всей страны и будет всем нам счастье или что-то в этом духе. Мальчишка, увлечённый самолюбованием, произносил какие-то сочетания русских и иностранных слов, значительную часть которых, независимо от языка, явно не понимал. Убогую мысль, украшенную пёстрыми терминами, он озвучил в разном виде уже несколько раз. Когда же вторично прозвучал вопрос настоящего ведущего о цели цифровизации и общественном значении этого явления, арифмейкер, как я называю этих молодых лидеров, начал ещё раз бойко повторять свою, видимо, на этот момент единственную мысль, но заметив, что у ведущего кончается терпение, стушевался и сердито сдвинул бровки.

Честно говоря, я не сразу понял, что именно привлек-

ло моё внимание к экрану в этот раз. Культурное убожество многих из этих роботостроителей, уже проигравших, не успев начать, историческую битву искусственному интеллекту, было очевидно. Немного необычно выглядел сам ведущий. Как подтвердил быстро закончившийся диалог, он правильно оценил своего собеседника и не стал вынуждать это будущее страны совершать опасные для неокрепшей психики интеллектуальные усилия. Отпустив его с миром, он спасал положение, заполнив эфирное время рассказом о достижениях студентов известного московского вуза. Всё получилось, и криво улыбнувшись ведущий попрощался. Я тоже вернулся к своему утреннему кофе, выключил телевизор и приоткрыл окно. В комнату жадно ворвалась волна холодного, почти обжигающего воздуха, и через две-три минуты мне пришлось плотнее запахнуть халат и снова прикрыть створку. На улице было холодно. Как-то по особому холодно, когда вовсе не хочется выходить из дому. Теплое же одиночество почти не тяготило меня, но и душевного покоя не было.

– А, наплевать на этот холестерин! – думал я, нарезаая ровными розовыми кусочками сало на сковороду и разбивая яйца. – Ничего за один раз не изменится. За один, за один, – вертелась в голове.

– Ну да, за один! А вчера, это какой уже раз было? Черт! Нужно менять привычки,.. хотя и поздновато, конечно.

Плотно и с удовольствием позавтракав, я открыл компью-

тер, и попытался сосредоточиться на работе, но доносившийся с улицы звук редких уже дождевых капель почему-то раздражал, напоминая тихий, но надоедливый будильник.

Подойдя к окну и, развернув кресло, я уселся, глядя на безнадёжно голые скелеты деревьев, сквозь которые просматривался торец соседнего кирпичного здания, молча мёрзнущего на ветру.

– Холодно там, – снова промелькнула в голове ничего не значащая мысль – Ну и что? Зима, вот и холодно... Нет, зима ни причем. Там человеческий холод, лёд, потому и сижу дома.

Выражение, впервые сегодня прийдя в голову, уже не оставляло меня. Сначала я пытался оспорить его мрачный смысл, настаивая на неуместности подобного явления в двадцать первом веке. Ничего, однако, не получилось, несмотря на мелькавшие в сознании картины последних достижений цивилизации.

В конце концов я сдался и создав новый текстовый файл, напечатал заголовок – «Холод».

Мысли быстро начали складываться в жёсткие и короткие фразы, а текст слишком напоминал длинную пулеметную очередь.

– Ну, прорвало! – вернулся я к внутреннему диалогу и, перечитав ещё раз написанное, решительно стёр всё.

Эмоции, накопившиеся за последние несколько лет наблюдений за непрерывным разрушением образовательного

пространства и самих основ человеческого типа жизни – мешали нормальному рассуждению. То же, что получалось на экране ноутбука, было слишком похоже на приговор, на осуждение без права обжалования.

– А какое ты имеешь право судить и осуждать? И кого, собственно, ты судишь?

Всё это явно следовало ещё не раз обдумать. Приняв решение, я снова переместился в кресло у окна и стал размышлять.

Действительно, за последние годы были практически полностью уничтожены многие духовные ценности, благодаря которым дети и молодежь, двигаясь по выстроенным обществом ступеням взросления, осваивали главное – человеческий способ жизни.

Мысленно обращаясь к невидимой аудитории, я рассуждал о том, что первая, важнейшая ступень, на которую взбирается младенец, связана с пробуждением человеческого сознания. Здесь главное – любящие родители, и прежде всего, мать, поскольку никакая машина не выведет младенца из природного состояния, не вызовет у него улыбки, как первого человеческого ответа на человеческое обращение.

Что происходит с семьёй сегодня хорошо известно. Первый удар наносится по самому святому, в самое сердце основного человеческого союза. И действие-то, кажется, вполне безобидное. Всего лишь нужно подписать брачный договор, который упростит в случае развода процедуру раздела

имущества. И это не важно, что человеку, искренне и страстно отдающему себя другому, любимому, человеку предлагают вдруг задуматься о том, что деньги, прочие ценности могут достаться при разводе не ему. Подписавший договор, спокойный теперь за своё имущество, идет ещё и в церковь, где хорошо осведомлённый священник венчает молодых. Мало сказать, что при этом все участники ритуала врут. Страшно, что именно эту форму экономических отношений называют любовью. Вслух называют, при людях! А что думают присутствующие, те, кому только предстоит вступить в брак? А как же вся мировая литература о любви и верности? Или и там тоже везде скрытая продажность?

Представляю, сколько возражений вызвало бы подобное рассуждение! Мне немедленно указали бы на то, что мать всё равно любит своё дитя, и потому проблема если и есть, то не так она и велика. И каждый ребёнок улыбается матери или другому доброму взрослому человеку, и говорить научается и вообще становится нормальным гражданином.

Правда, все чаще нас заставляют вздрагивать сообщения о том, как девочки зверски убивают домашних животных, забивают ногами и калечат подруг, милые мальчики расстреливают одноклассников и учителей; заказывают и убивают собственных родителей. А многие из тех, кто всего этого не делает, появляясь в публичном пространстве, своими рассуждениями легко разрушают представление о читающем, культурном обществе.

Неужели не видно, что в мире медленно, но до ужаса верно поднимается животная волна, свидетельствующая о трагическом откате людей к своему жестокому природному началу. Господи! Тут ведь недалеко и до каннибализма!

Стоп! Опять размахался кулаками. Есть ведь и много хорошего, черт возьми! Ведь встречаются молодые люди, в глазах которых светится и живая мысль, и нравственность, живущая в добрых семейных традициях. Есть писатели и поэты... Есть, в конце концов, верующие люди. Говорят, что их даже становится всё больше. Особенно если судить по растущим как грибы дорогущим храмам...

Ну, конечно! Рабы божьи двадцать первого века! Это что, лучше, чем рабы машины, пусть даже финансовой?

Вопрос, пожалуй, не очень смешной. Нужно подумать.

Работа не шла. С таким внутренним раздраем и раздражением ничего путного наверняка не напишешь.

Немного поколебавшись, я дополнил тёплый наряд зонтиком и закрыл за собой дверь. Как и следовало ожидать в это утро, я ошибся. Пока спускался по истертым ступеням столетней лестницы и выходил на крыльцо, дождь сменился потрясающе красивым снегопадом, наполнившим весь мир долгожданным белым праздником. Окончательно конец хмурому утру положил взрыв звонкого детского смеха в нашем уютном дворике.

– Шамиль! Ну зачем же ты обижаешь маленького?

Молодая мать троих мальчишек, кажется погодков, терпеливо и убедительно внушала своим отпрыскам представление о добре и зле, о сочувствии и взаимопомощи. Говорила она так хорошо и правильно, что я невольно заслушался.

Спустившись через минуту с крыльца на улицу и отправившись по своему привычному прогулочному маршруту, я с удивлением почувствовал какое-то внутреннее облегчение, явно связанное с обычной на первый взгляд картинкой из семейной жизни.

А снегопад с каждой минутой становился плотнее, укутывая белой плотной пеленой едва проснувшийся город. Зашумел трамвай, увозя с остановки сразу всю озябшую компанию, прячущих за воротниками лица. Оставшись один, я зашёл под навес, укрывшись от усиливающегося и ставшего липким снега.

Черный трамвай какой-то старой модели возник передо мной беззвучно, или может я его не услышал из-за плотно намотанного шарфа, защищавшего меня от снежной атаки. Чувствуя, что буран разыгрался не на шутку, но не желая возвращаться домой, я зачем-то шагнул на подножку и трамвай сразу же тронулся. Усевшись на обитое кожей жесткое сиденье, и прислонившись к стеклу, я напрасно пытался что-нибудь разглядеть за окном. Ничего не добившись, обвел взглядом длинный и почему-то пустой салон. Никелированные детали в сочетании с шоколадного цвета обивкой выглядели холодно и немного странно. Фонари слабо освещали

внутреннее пространство, оставив в тени кабину, где должна была маячить за стеклом фигура водителя.

– Следующая остановка ваша – прозвучал вдруг явно уставший мужской голос, и трамвай мягко и беззвучно остановился.

– Не задерживайте транспорт. Мне ещё в депо вон сколько пилить.

С трудом различив последние слова, я ступил на тротуар. Двери за мной немедленно закрылись и длинная тёмная тень растворилась в снежном месиве. Впрочем, ветер был уже не таким сильным и пелена снега тоже быстро начала редеть, на глазах истончаясь, пропуская всё больше света и обнажая знакомые силуэты домов. Мне в пору было протереть глаза и что-нибудь удивлённо воскликнуть, поскольку я находился по-прежнему возле дома, только на противоположной стороне улицы, как если бы только-что вернулся из центра.

– Чертовщина какая-то! – Подумал я, переходя улицу. – Нужно срочно привести себя в форму. Чайку бы сейчас крепкого и с лимоном!

Взбежав по лестнице на второй этаж и достав ключ, я попытался вставить его в скважину. С первого раза, как обычно, не получилось. Все следующие попытки тоже не привели к успеху, после чего я начал постепенно вскипать вместо желанного чайника, до которого не мог сейчас добраться.

– Да что же это такое?! Чудеса, да и только!

В раздражении я стукнул кулаком по тяжёлой металличе-

ской двери, которая немного подалась вперед. Стало ясно, что замок не закрыт. Потянув на себя ручку, которая легко поддалась, я ещё раз чертыхнулся и вошел.

Размышляя о том, как могла остаться незапертой входная дверь, если я явно её закрывал, и почему ключ не поворачивается в замке, я быстро разделся и отправился на кухню готовить чай. А спустя несколько минут, с горячей чашкой, источающей желанный аромат, погрузился в любимое кресло и постепенно расслабился.

Тепло и домашняя обстановка, наполненная многочисленными дорогими нам с женой смыслами, сплетающимися в греющее душу невидимое одеяло, вытеснили из сознания весь тот беспорядок, который накапливался с утра. Я думал о том, что через неделю.., нет, уже через шесть дней моя верная половинка вернется и положит конец одиночеству. Ведь это только кажется, что одиночество необходимо порой, что оно позволяет полностью сосредоточиться на чём-то важном. На самом деле одиночество это всегда одиночество, и для человека это всегда плохо. Думая так, я ещё не знал, что убедиться в верности такого суждения мне придется совсем скоро.

К полудню солнечная и тихая погода уже совсем не походила на утреннюю. Одевшись, я вышел из квартиры и достав ключ ткнул его в скважину, затем, перевернув, снова попытался закрыть дверь. Это было уже слишком, но замок

не слушался и ключ не проворачивался ни на миллиметр. Оставив бесполезное занятие, я стал спускаться по лестнице, намереваясь сразу заглянуть в хозяйственный магазин за новым замком или за личинкой, которую уже менял как-то с год назад.

– Шамиль! Ну зачем же ты обижаешь маленького? – донеслась снаружи знакомая фраза.

Звук был тихим, а когда я вышел на крыльцо, меня охватила полная, необычная для рабочего дня тишина. Ни соседки, ни её ребятишек не было видно. Но если эта шумная компания могла просто скрыться за углом, то где все остальные?

Я вышел на улицу и тут же увидел приближающийся яркий бело-голубой трамвай с горящими как положено фарами. Как и снежным утром, он остановился и поглотив всех ожидавших его на остановке, отправился дальше. Улица не была совсем пустой, как мне вначале показалось. Вдали виднелись движущиеся машины и снующие во всех направлениях пешеходы. На душе стало спокойнее, и я, как и планировал, направился к магазину. Проходя мимо остановки, где утром появлялся черный трамвай, я не увидел ничего необычного. Единственное, за что зацепился взгляд, была ошибка на табло с номерами и расписанием общественного транспорта. Номер самого популярного здесь трамвая вместо 37 был обозначен как В7. Покачив головой я тут же забыл об этой мелочи и прибавил шагу. Магазин был совсем рядом и вскоре я уже стоял перед автоматической стеклян-

ной дверью. Стоял и не понимал, почему она не открывается и как попали внутрь все многочисленные покупатели, которые рассматривали товары, живо обмениваясь впечатлениями. Никто не выходил, и других желающих войти тоже рядом не было. Я приблизился вплотную к стеклу, надеясь, что меня увидит охранник или еще кто-нибудь, кто откроет дверь или подскажет как попасть в магазин. Всё было тщетно и я поймал себя на мысли, что почему-то почти ждал подобного сюрприза, хотя и не мог ничего себе объяснить.

Оставив в покое очередную капризную дверь, я стал внимательно оглядывать родную улицу, на которой знал если не каждого пешехода, то уж точно каждый дом. Всё на первый взгляд было в порядке. Магазины и башни жилых домов, павильон метро и красавец храм, и даже старый тополь с обрубками вместо спиленных недавно веток – всё было на месте. А вот люди... С ними явно что-то было не так. Нет, выглядели они совершенно нормально: в теплых куртках и пальто, в шапочках и капюшонах, с рюкзаками, сумками и смартфонами у уха или перед глазами. Необъяснимым, а теперь уже немного пугающим, было пустое пространство вокруг меня. Разные привычные городские звуки легко достигали моего слуха, их доносил вполне ощутимый ветерок, но никто ко мне не приближался. Несколько минут я стоял у магазина, постепенно начиная чувствовать себя если не прокаженным, то во всяком случае чужим в этом странном и каком-то слепом окружении.

Неспеша дошел до перекрестка, специально наблюдая за людьми и автомобилями. Некоторые из них даже оказывались совсем близко, но я не мог поймать ни одного человеческого взгляда, которые неизменно от меня ускользали. В какой-то момент возникла мысль, что всё это иллюзия, существующая лишь в моём сознании, но у светофора я подошёл почти вплотную к пожилому мужчине с потертым кожаным портфелем и протянув руку ощутил мягкую ткань его длинного серого пальто.

Сделав шаг в сторону, я прислонился к металлической стойке светофора, которая была совершенно обычной и очень холодной. Отторгнувший меня мир продолжал жить своей, наполненной неизвестными мне смыслами жизнью. И это была не сказка и не иллюзия. Простояв некоторое время, никем не видимый или просто никому не нужный, я отлепился от столба и перейдя улицу, поплелся в сторону своего любимого кафе. Перед входом вновь остановился, представив как буду выглядеть, если знакомые официанты тоже меня не увидят. Но ждать было нечего, и я рискнул.

До обеда было ещё далеко и людей в кафе оказалось не много. Две девушки в углу пили коктейли и оживленно болтали о какой-то ерунде. Трое крупных мужчин в чёрном за столом у входа молча налегали на пиццу, запивая её чаем из большого стеклянного чайника. Я устроился у окна за маленьким столиком на двоих. Это было моё любимое место, и всегда, когда я его занимал, рядом немедленно появлял-

ся Семён, лучший из всех известных мне рыцарей подноса и остроумный собеседник.

– Доброе утро, Вадим Вадимыч! Давненько Вы у нас не были. Надеюсь ещё не нашли нам замену!

– Ну что вы, Семен! Добрый день!

У меня сразу отлегло от сердца. Раз Семён в порядке и кафе работает, значит уже найдена как минимум одна точка опоры.

Сделав заказ, я повернулся к окну, за которым главными действующими объектами стали большие белые уборочные машины, которые ухитрились не только полностью очищать за один проход проезжую полосу, но и поглощали собранный снег, расплавляя и перекачивая в прицепную ёмкость, которую периодически меняли на пустую. Дело спорилось и скоро на дороге перед кафе не осталось ни снега ни техники. Мелькнула и тут же исчезла мысль об источнике энергии, которой требовалось наверное очень много.

Хорошо зная мои привычки, Семен сразу принёс маленькую чашечку крепкого кофе и стакан воды со льдом. Кофе был отличный и получив дополнительную порцию положительных эмоций, я откинулся на спинку стула и даже прикрыл глаза.

– Вы позволите? Ой, извините! Я, кажется, напрасно вас побеспокоила.

Молодая женщина невысокого роста и приятной внешности с едва заметным восточным колоритом в чертах лица,

не тронутых косметикой, уже собиралась присесть за мой столик. Других свободных мест у окон уже не осталось, чем, видимо, и объяснялся её выбор.

– Да, да, конечно! – пробормотал я максимально любезно, поднимаясь со стула и помогая даме освободиться от лёгкого мехового мантио, – Располагайтесь, пожалуйста!

Пока моя новая соседка внимательно изучала меню, Семён принёс мне двойную порцию блинчиков и розетки со сметаной и смородиновым вареньем. Отправив его за чаем, я принялся за еду, бросая изредка взгляды на даму, которая быстро справилась с каким-то салатом и теперь с удовольствием, как мне показалось, грела руки бокалом с горячим шоколадом.

Вы ведь часто бываете в этом кафе? – спросила она вдруг, улыбнувшись мне как старому знакомому – А я очень боялась, что не застану вас здесь, Вадим Вадимович.

Теперь уже и не припомню, какую позицию в этот момент заняла моя челюсть, но в любом случае выглядел я наверняка неважно, почти судорожно и безнадёжно пытаюсь вспомнить странную светловолосую незнакомку с лукавыми глазами.

– Нет-нет, мы с вами никогда прежде не встречались. И имя моё ничего вам не скажет. А зовут меня, кстати, Эланика. Без отчества. Можно просто Лани, и у меня к вам очень важное поручение.

Эланика с явным удовольствием отхлебнула немного шо-

колада и продолжила.

– Руководитель нашей... по вашему наверное можно сказать креативной группы, заверил меня, что вы вполне готовы к контакту. А контакт – это наша задача, связанная с событиями здесь у вас. На наш взгляд они свидетельствуют об опасном культурном провале, возникшем в условиях кризиса. То есть, упадок сам по себе неизбежен в такой ситуации и в общем не опасен для здорового общества. Но у вас, утрата духовности, стала реальной угрозой уже для всего человечества, не осознаваемой, увы, не только власть имущими...

Спустя минут десять, Эланика прервала свою речь, внимательно глядя на меня и, видимо, стараясь различить в моём взгляде понимание смысла её миссии. Серые глубокие глаза собеседницы были теперь сосредоточены и исполнены тревоги, которую выдавали вздрагивающие длинные ресницы. Интерес и беспокойство были настолько очевидны, что мне сразу захотелось утешить ответственного контактёра.

– Да, да! Лани, я очень хорошо вас понимаю. Даже удивительно, что всё это так хорошо видно со стороны. Вы ведь со стороны за нами наблюдаете, да? Откуда-то издалека?

Я старательно скрыл улыбку, которая чуть не разрушила образ доверчивого простака, которого я решил разыграть.

– Да нет! – живо возразила она – Наблюдать в том смысле, который вы вкладываете в это слово, нет особой нужды. – Немного подумав и сделав ещё несколько глотков, Эланика пояснила: – Чтобы понять и оценить социокультурную

обстановку мы воспроизводим характерные фрагменты жизненного пространства и создаем развернутые во времени модели с нужным уровнем реальности. Как та, например, в которой мы сейчас находимся. – Услышав это, я вздрогнул, но собеседница видимо не заметила моей реакции и спокойно продолжила – Специалисты изучают вашу архитектуру, смысловое и предметное наполнение среды и на этом основании дают более полное и детальное описание способа жизни людей. Конечно, при необходимости мы можем и понаблюдать, но мне кажется интересней и важнее просто читать ваши книги, смотреть фильмы. Ценности, на которые вы опираетесь в жизни совсем не трудно в них разглядеть.

Здесь Эланика снова сделала небольшую паузу, во время которой печально, как мне показалось, посмотрела в окно, за которым не происходило ничего особенного. Затем поправив светло-русую прядь, сбежавшую на глаза, она продолжила.

– Ваша жизненная среда, к сожалению, утратила много важных человеческих смыслов, которыми была наполнена ещё не так давно. Все видимые формы вы создаёте, ориентируясь лишь на чувственность, управляемую моду и стереотипы. Боюсь вас обидеть, но это явно свидетельствует об утрате действительно важных человеческих ценностей. Мы больше не видим ясных целей, ориентиров вашего развития. Но главное, что нас пугает, это то, что их не видите вы! Даже не верится порой, что в вашей истории были вре-

мена, когда идея человеческая светилась сквозь любую архитектурную форму, каждая скульптура была разгорающимся факелом человеческого разума. А теперь мы боимся, что вы так и не вырвитесь из своей природной колыбели. А ведь она совсем даже не вечна и даже не долговечна.

Длинные, тонкие и удивительно белые пальцы, резко выделялись на фоне коричневой столешницы и глядя на них, я размышлял о том, что хозяйка этих рук, существо нежное и слабое, само нуждающееся в защите, не должна была отправляться в столь опасное путешествие, тем более с подобной миссией.

– Послушайте, Лани. Поверьте, я прекрасно понимаю и принимаю всё вами сказанное про нас. Я бесконечно высоко ценю вашу заботу, но мне не понятно, почему такая непростая и не безопасная миссия возложена на такие прекрасные и естественно слабые плечи.

– Вадим Вадимович, я оценила ваш комплимент, – Эланика тихо засмеялась, – но поверьте, я не только ничем не рискую, но даже не совершаю никаких значительных усилий. Наверное вы всё же удивитесь, но... меня в вашем понимании нет сейчас ни в этом кафе, ни в вашем городе, ни даже на Земле. Перед вами необходимая часть большой модели, хотя этим... телом я управляю сама, как бы находясь в нем. Конечно, я чувствую всё то же что и вы, – и замечательный вкус шоколада, и тепло этого помещения, и вашу руку...

Эланика положила свою белую мягкую ладошку на мою

кисть и я сразу почувствовал её живое тепло.

– Никогда бы не подумал, что это возможно... Извините, Лани, но глядя вам в глаза, я не верю, что передо мной машина!

– И правильно делаете, что не верите, – снова весело засмеялась моя невероятная знакомая, – потому, что это именно я смотрю на вас, переживая так же как и вы всё здесь происходящее. И вы знаете, – лицо Эланики снова стало почти серьёзным, – то, что вы видите уже далеко не машина. Только тема эта не из тех, которые стоит сейчас обсуждать. Да я и не готова сразу объяснить вам даже основные принципы формирования подобных моделей. Главное, мной никто сейчас не управляет, так же как и вами.

Если Эланика и думала, что сумела меня убедить, то она ошибалась. Я не то, что не верил ей. Скорее я не верил себе, своим чувствам. Происходящее вообще не складывалось в моём сознании в более или менее связную картину. Живая и веселая собеседница сообщает мне что она искусственная модель, как и все, что меня сейчас окружает. А как же Семён, как я сам, наконец?!

Эланика настороженно поглядывала на меня, видимо опасаясь, как бы моя бедная голова не пострадала от перегрузки. Когда я уже совсем собрался задать один из этих сумасшедших вопросов, она снова заговорила.

– Эту модель, вернее условия нашего контакта, мы готовили особенно старательно. Труднее всего было отрабатывать

общение между людьми в произвольных ситуациях. Иначе говоря, нужно было обеспечить их естественное поведение. Для этого потребовалось долгое и тщательное изучение этой части города и его населения.

– Вы хотите сказать, что знаете теперь здесь досконально каждого жителя?

– Ну, не я сама, конечно. А в модели действительно заложено очень много. Но если вы не против, позвольте мне вернуться к цели нашей встречи и всего этого большого... проекта.

– Моя задача предельно ясна – установить с вами контакт и, если вы будете «за», договориться о совместных действиях, чтобы помочь вам сохранить культуру Земли в сложных условиях кризиса. Вот так всё просто... на словах. А что нужно и действительно можно сделать, мы должны решить вместе. Вы можете, а вернее даже должны спросить, на чем основан наш оптимизм в деле, о котором нас не просили. Я отвечу сразу на этот вопрос. Вы, ваш народ являетесь частью разумного мира, в котором принцип сочувствия и содействия является базовым. Потому мы и решили оказать возможную помощь сразу в нескольких точках вашего мира.

– Можете не продолжать, Лани. Мне это близко и вполне понятно, что само по себе удивительно, учитывая разницу между нами.

– А я не вижу ничего удивительного, да и разницы между нами существенной нет. Внутренняя форма практически

одна и та же, а тело, которое вы, кстати, ещё не освоили, как и свою планету, тело может быть разным. Это даже интересно.

А хотите, я покажу вам вариант своего? – в глазах Эланики загорелись весёлые искорки – Только не пугайтесь.

Закатив слегка рукав, она провела рукой по запястью несколько раз и на месте нежной, почти детской кожи загорелись тысячи маленьких серебристых искр с небольшим вкраплением золотистых и ещё, кажется, белых. Масса их была плотной и обладала той же формой, что и рука перед этим.

– И вы... вся такая? – вопросительно пролепетал я, не удержавшись, и понимая известную бестактность вопроса.

– Да нет, – весело возразила Эланика, – но могу быть и такой и другой. Это зависит от обстоятельств, от среды, в которой нахожусь. Если вам интересно, могу сказать, что при смене меняется не только внешность, но и весь организм, который может перестраиваться, переходя даже на разные способы получения жизненной энергии.

– А какой ваш естественный или изначальный внешний вид?

Эланику явно забавлял этот разговор, в то время как я испытывал раздражающий и в то же время непреодолимый сейчас внутренний разлад.

– Вы не поверите, но наше тело, как и условия, в которых

когда-то давно выросла наша культура, очень похожи на ваши, – подумав немного, она добавила, – и вообще, мы очень похожи. Вы даже не догадываетесь насколько. И это, несмотря на то, что мы значительно старше вас. Хотя у нас возраст отдельных людей не придает такое значение, как у вас, на Земле. Разве что в смысле накопленного жизненного опыта и принадлежности к соответствующим поколениям.

– Конечно, Эланика, я согласен сотрудничать. Когда речь идет о судьбе моего народа, моей земли, у меня нет и не может быть выбора. Только прежде чем я поступлю в ваше распоряжение, – при этих словах Эланика снова улыбнулась, – мне нужно немного собраться с мыслями, подумать.

И ещё. Могу ли я выбраться из этой вашей модели и вернуться сегодня к себе домой? Нужно хотя бы связаться с руководством и взять небольшой отпуск. И, конечно, с супругой нужно срочно созвониться. Она у меня через неделю уже прилетает. Возможно даже раньше.

– Ну конечно. Вы в любое время можете переместиться в модель и обратно. И не обращайтесь, пожалуйста внимание на ворчание водителя трамвая. – Эланика снова весело улыбнулась. – Ну не смогли наши шутники удержаться. Да, и извините, пожалуйста, за замки. Это наш недосмотр, брак в работе над моделью. Настоящие в полном порядке, не волнуйтесь.

И я совсем не тороплю вас, – добавила она, – когда будете готовы, завтра или позже, выходите утром пораньше

на остановку и скажите вслух слово «трамвай». Садитесь в первый же пустой старой модели, а дальше всё будет как в этот раз.

– А сейчас-то как мне вернуться?! – почти воскликнул я, видя что моя собеседница потянулась за своим манто и вставая, чтобы помочь ей одеться.

– Так же, только на другой стороне улицы. И дождитесь, чтобы людей не было. Место тут у вас в общем не особо людное, так что это не проблема.

Улыбнувшись на прощанье и помахав мне рукой, Эланика поспешила к выходу из кафе, словно служащая, опаздывающая в свой офис.

А где же теперь она будет меня ждать? Хотя это вопрос, видимо, не актуальный. Там же, где и сама модель. Точнее я не только сказать, но и подумать не мог, а потому не стал дальше забивать себе голову и отправился домой.

Чудо, надеюсь, последнее на сегодня, состояло в том, что дверь квартиры была закрыта на замок, который открылся с первого раза. Я вошел внутрь и каким-то десятым чувством сразу постиг, что всё вокруг настоящее. Родной халат, чайник на кухне, баночки стеклянные с вареньем, аккуратно подписанные супругой – всё было подлинное и даже балаган по ТВ на разные политические темы с участием крупных экономистов, экспертов с экономическим образованием и политологов с экономическим сознанием был

наш! Шумный, дурно организованный и временами просто пошлый. Быстро выключив телевизор, словно подсознательно боясь подцепить какой-то вирус, я уселся в кресло и положил на колени ноутбук. До обычного сеанса связи с женой оставалось несколько минут. Когда на экране появилось дорогое улыбающееся лицо, я сразу забыл обо всех сегодняшних приключениях.

Ирочка моя была в порядке, а вот её сестрица не на шутку расхворалась. Жила она одна в кирпичном двухэтажном доме с садиком, двумя кошками и попугаем и обычно сама справлялась с житейскими проблемами, включая всякое недомогание. Благо у неё было медицинское образование и многолетний опыт работы врачом общей практики. В этот же раз привязавшийся грипп вызвал достаточно серьёзное осложнение и сестру пришлось госпитализировать. Домашние животные требовали ухода, да и больную с её сложным эмоциональным состоянием оставлять не следовало. В результате супруга решила задержаться ещё на несколько дней, о чем и сообщила мне.

Осознав, что в пустой квартире мне предстоит оставаться ещё минимум пол-месяца, я бы совсем скис, если бы не перспектива участия в странном спектакле, начавшемся этим утром. Постепенно мысли мои вернулись к сегодняшнему событию и я надолго погрузился в размышления.

Первый вывод, к которому я пришел, состоял в том, что случившееся невозможно и потому случиться не могло.

Но поскольку нечто странное всё же происходило, причем в течение довольно длительного времени, пришлось заключить, что либо у меня неверное представление о возможном, либо моя реакция на происходившее была неадекватна самим событиям. Иначе говоря, мне всё это показалось. Поскольку же последнее я сразу отверг, оставалось признать, что возможное отнюдь не всегда возникает как следствие видимых причин.

Закончив на этом вводную часть и признав результат своей мыслительной работы неудовлетворительным, я решил рассмотреть ситуацию с другой стороны.

Смысл того, что моя невозможная знакомая назвала контактом, был как раз очень понятным. В том, что было сказано о нас, о проблемах и переживаемом кризисе – не было ничего, с чем нельзя было согласиться. Более того, впервые я услышал от другого человека рассуждения, настолько близкие мне. Это интриговало и подкупало. И было главное – речь шла о деле не просто интересном и нужном, но о том, что сам я считал жизненно важным. Решив пока следовать договоренности с Эланикой и завтра с утра отправиться на трамвайную остановку, я постарался переключиться на свои обычные дела. Спать лёг рано и сразу после пяти уже поднялся, выспавшийся, бодрый и готовый к новой встрече с неизвестным.

Январская ночь к шести утра естественно не закончилась. Фонари и звёзды старательно разгоняли мрак, освещая

чистые тротуары, а художественно украшенные вчерашним снегопадом деревья были неподвижны, словно ещё дремали под снежным одеялом. То здесь, то там на фасадах жилых домов вспыхивали окна, свидетельствуя об очередной победе будильника над сладко спавшим человеком. Редкие пешеходы спешили в основном к метро, а на остановке трамвая стоял я один. Точнее даже не стоял, а только остановился, произнеся заветное слово, как передо мной уже раскрылись двери того самого трамвая.

Войдя в салон, я не стал садиться, а прошёл вперед, чтобы заглянуть в кабину водителя. Меня ждало разочарование, поскольку стекло оказалось совершенно непроницаемым.

Когда трамвай сначала замедлил ход, а затем остановился, знакомый голос снова пригласил меня к выходу, добавив, что отвлекать водителя общественного транспорта во время движения опасно и допустимо лишь в исключительных случаях. После чего одно из стёкол кабины съехало в сторону и на меня уставилась патлатая веснушчатая физиономия, украшенная широченной улыбкой, которую иначе как счастливой назвать было нельзя. Форменная фуражка с пластиковым блестящим козырьком, сдвинутая на затылок, удачно дополняла образ. Подмигнув мне, голова кивнула в сторону открытой двери и исчезла в темноте кабины. Я же спустился на тротуар и, почти сразу оглянувшись, уже не увидел своего трамвая, лишь слабый звук закрывающейся двери донесся до моего слуха.

Утро ещё только разгоралось солнечным светом, но народу здесь было уже побольше. Я снова дошёл до хозяйственного магазина и, убедившись что спектакль с покупателями за закрытой дверью ещё не начался, зашагал к своему кафе. Дойдя до перекрёстка и глянув на большие часы у здания метро, я с удивлением констатировал, что с момента моей посадки в трамвай прошло почти два часа. Решив, впрочем, что удивляться подобным мелочам здесь не стоит, я вошёл в только что открывшееся кафе.

– Ой! Как здорово! Мы с вами одновременно сегодня! – прошептала Эланика, подхватив меня под руку и проводив таким манером к столику.

Разоблачившись и усевшись за стол, мы пообщались с подросшим Семёном и в ожидании заказа возобновили беседу. Я сразу же обрушился на свою собеседницу с вопросами о том, кто скрывается за её «мы», что это за креативная команда и откуда они взялись на нашу, вернее, пока на мою голову. Эланика слушала меня с интересом и легкой сочувственной улыбкой, от которой мне на мгновение даже стало неловко.

– Все нормально, Вадим Вадимыч, – поспешила моя проницательная собеседница, – я просто подумала о том, что вы удивительно сдержанный и деликатный человек. Вы ведь могли ещё вчера потребовать ответов на эти вопросы.

В этот момент Семён принес нам кофе и воду со льдом, прервав столь важный для меня разговор. Эланика осторож-

но пригубила черный ароматный напиток и, обращаясь к Семену, выразила свой восторг. Она была так убедительна, что как только официант отошёл, я спросил:

– Наверное я ещё многого не понимаю, но разве и Семён, и кофе, который он принёс, это не ваши произведения с заданными характеристиками? А если это так, то ваша благодарность Семёну, это что, необходимая часть программы существования модели?

– Не совсем так. Хотя настоящий Семён, и не подозревает о существовании этой реальности, он в этот момент испытывает положительные эмоции, потому что определенная связь с ним не прекращается, пока существует сама модель. И навыки здесь использованы именно его...

Кстати, в какой-то мере это и ответ на ваш вопрос о нас. Но лучше начнём с начала. Вот только допью или даже давайте закончим завтрак, а то ведь омлет французский с коньяком, который нам уже несут, остынет. Обидно же будет, правда?

Покончив с завтраком, я приготовился к продолжению разговора и даже припомнил несколько пришедших в голову накануне вопросов. Однако Эланика, приготовила мне сюрприз, который не просто удивил, но воистину потряс меня.

Не успел я с удовольствием откинуться на спинку тяжелого стула с мягкой обивкой, как улыбающееся лицо Эланики померкло, и всё окружение рассыпалось мелким серебристым песком, исчезнув где-то внизу. Я, совершенно расте-

рянный, оказался в бездонной, космической пустоте. Абсолютной и бесконечной была тишина, поглотившая меня своим глухим безразличием. Не осталось ничего. Вообще ничего. Себя я тоже не видел и, кажется, не чувствовал в остановившемся времени. Если бы о небытии можно было бы сказать, что оно есть, то это было бы то самое.

Голос Эланики зазвучал негромко, будто откуда-то из глубины исчезнувшей реальности. Одновременно с обстоятельным рассказом, в поле зрения начала зарождаться видимая и многообразная вселенная.

Планета, на которой всё началось, была подозрительно похожа на Землю. Правда, очертания материков на поверхности выросшего передо мной шара, отличались от привычных нам с детства, но и время, о котором шла речь, относилось к очень уж далёкому прошлому, когда всё, конечно, было по-другому.

Красочный рассказ о зарождении жизни и о высшей точке её развития, которой стал человек, поразил меня своей ясностью и простотой. Я до сих пор убежден, что это был шедевр, авторство которого не может принадлежать отдельному человеку, а является органическим продуктом целой культуры.

Просто и ясно пояснив, что человек, является полноценным элементом вселенной, ставшей разумной с его появлением, Эланика перешла к рассказу о том, как, развивая научное знание, её предки погружались в тайны природы, пре-

одолевая очередные постулаты и постигая не только тайны планеты, но и свое собственное тело, и тело постоянно творимой культуры; о том, как одновременно человек создавал все более совершенный образ будущего, опирающийся как на творческое воображение людей, так и на результаты прорывов в прошлое, за самые незыблемые пределы в глубине времени и материи, ко всё более фундаментальным основам материального мира.

Понимая, что передо мной разворачивается не просто философская концепция, но во многом уже пройденный людьми исторический путь, я жадно впитывал воспроизводимые в словах и живых картинах смыслы.

Между тем, Эланика, вновь заговорила о создаваемом человеком пространстве воспроизводства и существования разума. Вновь обратившись к истории, она показала, как начав с приспособления к природным условиям, люди постепенно перестраивали поверхность планеты, превращая её в прекрасное тело человечества, не просто построенное по логике необходимости, но одухотворенное идеей человеческого совершенства и пропитанное творческим восторгом.

Но пространство человека, пространство разума не могло ограничиться планетой. Выходя за её пределы, человек одновременно расширял пределы возможностей собственного организма. Сначала воссоздав в себе всё, чем был богат живой мир планеты и обретя возможность существовать в самых различных средах, даже смертельно опасных для него

прежде, человек добрался до ещё более глубинных основ существования, приобретя в итоге способности, казавшиеся фантастическими даже в рамках развернутой перед моими глазами исторической панорамы.

– Наш народ давно не связан с какой-то одной планетой, включая нашу историческую колыбель. – продолжала рассказ Эланика – Мы можем жить в разных средах, которые создаем в соответствии с необходимостью, если окружение слишком опасно или враждебно, или просто по желанию.

Перед глазами поплыли, сменяя друг друга меняющие облик, но сохраняющие свою естественную форму соплеменники Эланики в совершенно разном искусственном и природном окружении. Вскоре, однако, изображения стали бледнеть, становясь светлее и прозрачней, и через несколько секунд из космических глубин выплыло привычно уже улыбающееся и, кажется, совсем земное лицо моей собеседницы, окруженное постепенно оживающим интерьером кафе. Подошёл и остановился в ожидании наших пожеланий Семён.

– Представление закончилось, – подумал я, – а вот жизнь наша продолжается и она, оказывается, может быть куда интереснее, чем мне всегда казалось.

– Ну что, Вадим Вадимыч, как вам наша визитная карточка? Между прочим, специально для вас готовили, с гордым видом сообщила Эланика.

– А можно... – начал я с энтузиазмом, но не успел сфор-

мулировать вопрос.

– Нет! – заявила моя удивительная и удивительно проницательная собеседница – Ни в коем случае! Появление такого материала в вашем публичном пространстве может вызвать совсем не нужные последствия. Людей готовых правильно воспринять, понять то, что вы только что видели, не так уж много. И будет лучше, если вы просто не станете ничего скрывать, чтобы эта информация стала полезным достоянием мыслящих людей. А прочие просто не поймут, да и не поверят.

– Семен, принеси ка мне коньяка, а для дамы...

Я вопросительно глянул Эланику, которая, кажется, задумалась о чём-то, что её вдруг отвлекло.

– И мне тоже самое, – проговорила она, продолжая сосредоточенно размышлять, глядя на свои ладошки, сложенные на столе, – пожалуйста.

Спустя несколько минут, когда Семён вернулся с подносом и поставил перед нами большие коньячные бокалы, Эланика чуть оживилась, возможно приняв какое-то решение.

– Армянский, «Ахтамар», – сказал я, омывая напитком стенки бокала и вдыхая волшебный аромат, – один из моих любимых. А вам приходилось его пробовать, или вы не употребляете алкогольных напитков?

– Ну почему же, это очень приятный напиток. Хотя мы, увы, не можем в полной мере оценить его, поскольку наши организмы не допускают того же состояния от воздействия

алкоголя, что и ваши.

Говоря это, Эланика была всё же сосредоточена на чем-то совсем другом, что мне было недоступно. Решив не мешать ей, я развернулся к окну и, потягивая коньяк, стал наблюдать за молодой парой энергично и эмоционально выяснявшей отношения.

Прошло минут пять или может немного больше, когда движения молодого человека, до того активно жестикулировавшего, начали замедляться. То же происходило и с его собеседницей, которая сначала замерла, а затем вдруг начала бледнеть вместе со своим другом, замершими пешеходами и вообще всем, что было за окном.

Быстро берите меня за руки! – крикнула Эланика и в следующую секунду, выбив у меня из рук бокал, сама обхватила мои запястья с поразившей меня силой. И это было последнее, что я успел почувствовать, прежде чем всё вспыхнуло ярким изумрудным светом и исчезло. В тот момент не стало и меня самого. Осталось пожалуй лишь живущее само по себе ощущение жжения на запястьях, которое длилось и длилось, пока вдруг яркий свет и высокая температура не вернули меня к реальности. Стало светло и жарко. И больше ничего, на что я мог бы отреагировать. Постепенно я начал ощущать привкус соли во рту и лёгкое остаточное чувство удивления. С чем оно было связано понять я не мог, но было хорошо уже то, что оно было, и я изо всех сил пытался держаться за это чувство, чтобы снова не потеряться в пуга-

ющей меня теперь пустоте.

Наверное я уснул, потому что новое пробуждение сознания оказалось уже вполне приемлемым для моей травмированной психики. Правда то, что увидели мои глаза, я не мог не то что описать, но даже воспринять адекватно. Ни форм, пусть даже незнакомых и странных, ни границ. Все было смешано и в то же время существовало отдельно. Какие-то цветные энергетические потоки свободно проникали друг сквозь друга в невероятном танце, в котором даже угадывался сложный ритм. Впрочем, я вовсе не был в этом уверен, а мне очень нужна была уверенность хоть в чем-то, чтобы сохранить сознание, которое трепетало в беспомощности, в неспособности воспроизвести что-либо.

Когда напряжение чувств стало почти нестерпимым, танцующее бессмысленный танец окружение вдруг рассыпалось знакомыми уже мелкими блестящими искрами и передо мной возникло темно-коричневое лицо в обрамлении коротких и жестких черных волос. Определенно это была женщина, неизвестной мне расы, с широким металлическим украшением на длинной шее и такими же браслетами на руках. Большая часть тела незнакомки, та, которую я мог видеть, была закрыта обтягивающим бордовым материалом неизвестной мне природы. Он светился изнутри и был каким-то зыбким. Продолжая разглядывать свою гостью, также внимательно следившую за мной, я вдруг увидел как на её лице расцвела широкая улыбка. Сомнений не было, дама чему-то

обрадовалась и не пыталась это скрыть.

– Ну всё. Я имею в виду, что всё прошло благополучно и вы в порядке. Так, Вадим Вадимыч, или я не права? Ой! Вы же меня не узнаете в этом облике! Сейчас, потерпите ещё капельку.

– Это вы, Лани? – с трудом пошевелив засохшими губами и тяжелым языком, спросил я, – Где мы и почему вы... уже не такая?

Последние слова дались мне с большим трудом и похоже отняли остаток сил. Я снова провалился в сумеречную пустоту, но на сей раз со мной был целый букет ощущений, связанных с организмом. Они вспыхивали и исчезали, словно пытаясь доконать меня то тошнотой, то резью в кишечнике, пока окружающая реальность вдруг снова не вернулась на место. На сей раз мир был устойчив с вполне определёнными формами и очертаниями. Цвета, что всегда было важно для меня, оказались чуть приглушёнными и приятными. Небо, цвета морской волны было наполнено прохладным и влажным воздухом, который, кажется, ласкал мои иссушенные легкие, а слабый, едва ощутимый ветерок, шевелил вьющиеся светло-русые пряди на голове Эланики, смотревшей на меня сверху почти с умилением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.